

СИМВОЛИЧЕСКИЙ КОД РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ (КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ «ДЕТИ – БУДУЩЕЕ») В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

У.А. Басова

Военный институт (инженерно-технический) ВА МТО, г. Санкт-Петербург

Лингвокультурология, обратившаяся к изучению концептов, включает в сферу своих интересов разные стороны рассмотрения языка и культуры. Переносы значения по разным признакам – метафора и метонимия – представляют собой систему лингвокультурных кодов. В данной статье рассматривается символический аспект когнитивной модели «дети – будущее», активно используемой в русской лингвокультуре. Расшифровка символического кода – ключ к пониманию художественных текстов.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая картина мира, коды лингвокультуры, когнитивная модель, макроконцепт.

В наши дни самым распространенным подходом к описанию лингвокультуры в языкознании является семиотический. Большой Энциклопедический словарь дает следующее определение кода – «код – это совокупность знаков (символов), а также система правил их использования (кодирования). Кодирование происходит «для передачи, обработки и хранения (запоминания)» [Большой Энциклопедический словарь]. Рассуждая о семиотике лингвокультуры, традиционно рассматриваются знаковые средства языка и культуры. Лингвокультурные феномены трактуются как «тексты», составленные с помощью этих знаковых средств и выстроенные в соответствии с правилами данного языка. Тексты несут определенную информацию.

Текст состоит из знаков. Кодом задается значимость знака, а интерпретатор расшифровывает эту информацию. Правила прочтения задаются культурой: культурным хронотопом, культурной компетенцией интерпретатора. Следовательно, код вырабатывается и функционирует в культуре [Телия, 1996: 76-91, Красных, 2001: 5-19].

Понятие кода в лингвокультурологии неразрывно соединено с культурой. Отечественные лингвисты (В.Н. Телия, С.М. Толстая и др.) считают, что национально-культурная информация, содержащаяся в языке, часто находится не на поверхности, а «закодирована» в семантике слова, в его внутренней форме, в семантике грамматических феноменов, в синтаксисе. Поэтому культурный феномен, вербализуясь в языке и объединяя с себе подобные явления, образует национально-культурный код. М.В. Пименова рассматривает код культуры как «макросистему характеристик объектов картины мира, объединенных общим категориальным свойством». А также как «таксономию

элементов картины мира, в которой объединены природные и созданные руками человека объекты внешнего и внутреннего миров» [Пименова 2006: 41].

Единицей кода в лингвокультурологии является концепт, описанный языковыми единицами. Словесное выражение образа, который несет в себе концепт, обладает тремя формами – звуковой, графической и, естественно, языковой. Так как язык неразрывно связан с этнокультурой, происходит проникновение культурных кодов в язык, который, таким образом обогащает, в первую очередь, слои фразеологии, паремиологии и образной лексики.

Особое место в системе кодов занимает символический код лингвокультуры. Символ – это ассоциативный продукт сложной работы человеческого сознания и является специфическим элементом кодирования культурного пространства. С самых древних времен человек символизирует окружающий его мир. Символ воспроизводит в речи некий культурный смысл, часто характерный только для данного этноса, понимаемый только им. События, происходившие в истории народа, характерные черты, особенности ментальности данного народа создают благодатную почву для появления символов – своеобразного кода взаимопонимания представителей этой культуры. А.А. Залевская предложила метафору «живой поликодовый гипертекст» для объяснения «наблюдаемых со стороны или посредством рефлексии удивительных познавательных и коммуникативных возможностей слова, которое живо только тогда, когда мы его не просто знаем (хотя при этом оно может оставаться «пустым звуком»), а переживаем как слитое с продуктами переработки многообразного опыта и всегда включённое во множество связей и отношений, вне которых не может восприниматься и опознаваться окружающий нас физический и социокультурный мир» [Залевская, 2013: 8-19].

Истоки символов чрезвычайно глубоки и имеют архетипическую природу. Они объединяют разные планы реальности в единое целое в процессе семантической деятельности в той или иной культуре [Маслова, 2001]. Именно они являются самыми эффективными исполнителями мнемонической функции культуры, воспроизводя в речи особый культурный смысл, не давая ему исчезнуть, развивая и обогащая его теми или иными оттенками значения в различных речевых практиках.

В отличие от значения, являющегося содержательной основой знака, содержательной основой символа является образ. Распознать и расшифровать образ возможно только отвлекшись от языкового значения, выйдя в культурный контекст.

У символа обширный имплицитный потенциал и бесконечная вариативность смысловой интерпретации. «Понимание может углубляться по мере развития интерпретации. При интерпретации рефлексия обращена на понимание, она позволяет задействовать всё большее число онтологических картин, хранящихся в опыте, в рефлексивной реальности, что и приводит к углублению понимания благодаря интерпретации. В свою очередь, интерпретация над более глубоким пониманием неизменно трактует большее число форм текста, в которых предмечены смыслы, и тем самым выводит к большему числу понимаемых смыслов». [Богин, 2001: 11]

Перспективность видения символа в контексте оборачивается широтой смыслового варьирования. По словам М. Л. Ковшовой, «символы – это знаки, избранные в процессе мировосприятия и осознания мира для устойчивого, регулярного воплощения в них ценностного содержания культуры, ее основных категорий, ее смыслов [Ковшова, 2013: 216]. Кодирование культурного пространства посредством символов широко используется в художественных текстах.

В данной статье анализируется макроконцепт *дети* с позиции символического кода. Под макроконцептом понимается «сложное ментальное образование, связанное с концептами, входящими в его структуру, родовидовыми отношениями» [Пименова 2001: 32]. Данный макроконцепт исследуется с позиций реализации когнитивной модели «дети – наше будущее». «Под когнитивной моделью понимается некоторый стереотипный образ, с помощью которого организуется опыт, знания о мире. Когнитивные модели, так или иначе реализованные в языковых знаках, обнаруживают относительную простоту структурных типов и представляют собой последовательную систему, построенную на универсальных законах» [Пименова 2007: 8]. Материалом для анализа послужили выдержки из художественных текстов, взятых в Национальном корпусе русского языка.

Совершенно логично, что дети символизируют будущее семьи, рода, страны (*Ведь им доверено будущее страны – дети*. Шукшин. Печки-лавочки). Дети – подрастающее поколение, на которое возлагаются надежды. К будущему в русской лингвокультуре отношение особое: оно позитивное (*смотреть/двигаться смело в светлое будущее*). В русской лингвокультуре к детям относятся как к большому ресурсному потенциалу, продолжателям своего дела.

Символика детства базируется на темпоральных оппозициях «сегодня–завтра». Оппозиция «сегодня–завтра» противопоставляет значения «не взрослые – люди» (*Грызите мясо скучное и бейте железо вертикальное клетей, когда на вас внимательные дети глядят глазами завтрашних людей*. Аронзон. Зоосад), «дети сегодня – взрослые в семье в будущем» (*К темной ночи засыпая, Дети, будущий народ, Слышат, как он издалека, В песне матери поет...* Случевский. Лирические. Бандурист)).

Символика будущего может выражаться через дополнительные уточняющие ряды: «новое – еще не случившееся будущее» (*И какие-то новые дети Из еще не бывших столетий Украшают в Сочельник ель*. Ахматова. Строфы, не вошедшие в «Поэму без героя»), «сегодняшние взрослые – дети будущего» (*Мы повсюду бросим сети, Среди мировых неистощимых вод. Пред будущим теперь мы только дети. Он – наш, он – наш, лазурный небосвод!* Бальмонт. Весенний шум, весенний гул природы...), т.е. будущее – наш родитель.

Когнитивная модель «дети – наше будущее» реализуется через признаки грядущего времени (*И дети грядущего станут играть В новом мире, который он создал*. Полонская. Пролог). Будущее – неизвестно (*Говорят, что дети наше будущее, но что скажешь об этих детях?* Гроссман. Жизнь и судьба).

Будущее считается не годами, а веками (*Дети нового века прочтут про битвы...Эренбург. Наши внуки будут удивляться...*). Таков размах восприятия того, что грядет.

Интересно, что рассматриваемая когнитивная модель имеет зеркальное отображение в модели «дети – это прошлое». Символ прошлого в описании детей имеет тройное прочтение. С одной стороны, все взрослые сейчас когда-то были детьми. С другой стороны, к прошлому относятся описания детей, которых уже нет среди живых. И в этом видится трагизм восприятия детства, связанный с историей народа, когда в войнах и сложных периодах прошлого родители теряли своих детей. С третьей стороны, у всех живущих ныне было детство, и многие поколения в нашей стране пережили исторические катаклизмы, т.е. прошлое – детство – вспоминается в мрачных тонах.

Первая из указанных символик детей относится к прошлому. Все взрослые помнят свое детство. Дети остаются детьми для своих родителей, даже если они выросли и поседели (*Но помнят матерей седые дети И помнят братья горестных сестер. Блаженный. Марина, мама – как же это мог я...*). Дети вырастают и утрачивают способность удивляться миру, искренне ему сопереживать (*Потом, когда седеют дети, Уж этих слез не достаёт. Эренбург. «Земля лепка могильной вязью...*).

Вторая сторона этой когнитивной модели носит оценочный характер. В русской лингвокультуре сохранилось много пословиц и поговорок, которые описывают переживших своих детей родителей (*Не дай Вам бог пережить своих детей!*).

Этот символизм относится к трагическим страницам нашей истории. Родители, пережившие своих детей, живут прошлым (*И страшные дети, которых не будет, Которым не будет двадцать лет, А было восемь, а девять было, А было...* Ахматова. Памяти Вали).

Третья сторона реализации этой когнитивной модели относится к описанию детей сложного – революционного, военного, атеистического – прошлого (*Мы – дети горестных времен, Мы – дети мрака и безверья! Мережковский. Смерть*). Такие времена – недобрые (*Я узнаю во всем вас, дети злого века! Северянин. На смерть Фофанова*).

Как показывает проведённое исследование, детство в русской лингвокультуре воспринимается двойственно: от детства своих детей у родителей сохраняются светлые и добрые воспоминания, на детей родители опираются в старости, они являются воплощением несбывшихся собственных надежд. Свое тяжкое детство русские люди осознают в оценочных категориях, как время недоброе, трудное, сложное. Детство – синкретичный символ русской лингвокультуры, в котором сохраняется амбивалентный смысл.

ЛИТЕРАТУРА

1. Г. И. Богин Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику Тверь 2001 с 11

2. Большой Энциклопедический словарь. Режим доступа: (<https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/158262>. Дата обращения 2.04.2018 г.
3. Большой Энциклопедический словарь. Режим доступа: (<https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/158262>. Дата обращения 2.04.2018 г.
4. А.А. Залевская Значение слова и «живой поликодовый гипертекст» (Вопросы психолингвистики. - М., 2013. - № 1 (17). - С. 8-19)
5. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод в фразеологии: коды культуры. М., 2013.
6. Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей. – Вып. 19. – М., 2001. – С. 5-19.
7. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 283 с.
8. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2001.
9. Маслова В.А. Духовный код с позиции лингвокультурологии: единство сакрального и светского // Метафизика. – 2016, № 22. – С. 83.
10. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры. – М.: Флинта, Наука, 2016. – С. 71.
11. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Введение в концептуальные исследования. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 88.
12. Пименова М.В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ: монография. – Кемерово: КемГУ, 2007. – 500 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).
13. Телия В.Н. Русская фразеология. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С.76-91.

**SYMBOLIC CODE OF RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE I
N LITERARY TEXTS
(the conceptual model of "children are the future ")**

Linguoculturology, which has turned to the study of concepts, includes in its sphere of interest different aspects of the study of linguoculture. The carryings of the values on different grounds – metaphor and metonymy – are a system of linguistic cultural codes. This article deals with the spiritual and symbolic aspects of the cognitive model "children – our future", actively used in Russian linguoculture. Symbolism is one of the important aspects of the formation of the Russian mentality. Understanding of the symbolic code is the key to understanding of literary texts.

Key words: *linguoculturology, language picture of the world, codes of linguoculture, cognitive model, macroconcept.*